

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

РОМАН ЗЛОТНИКОВ,
ДАНИИЛ КАЛИНИН
РОГОРА.
ЯРОСТЬ ОБРЕЧЕННЫХ

**Роман Валерьевич Злотников
Даниил Сергеевич Калинин
Рогора. Ярость обреченных
Серия «Рогора», книга 3**

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51839364

Рогора. Ярость обреченных: Фантастический роман: Альфа-книга;

Москва; 2020

ISBN 978-5-9922-3059-8

Аннотация

Армия Рогоры уничтожена, Когорд мертв, а его наследники скрестили клинки в споре, кому выжить и повести горстку уцелевших...

Республика победила?

Но все меняется в одночасье: в Рогору вторгается огромный корпус Заурского султаната – грозного хищника Востока. Смертельная опасность нависла не только над разбитым королевством, но и над Республикой, и вчерашние враги вынуждены объединиться. Но даже вместе лехам Бергарского и рогорцам Аджая не устоять, теперь все зависит от изменчивых решений короля Якуба...

Вот только способен ли монарх, зависимый от магнатов, прийти на помощь вассалам? И как повлияет на ход войны судьба воина, когда-то похищенного кочевниками?

Содержание

Пролог	5
Часть первая	18
Глава 1	18
Глава 2	33
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Роман Злотников, Даниил Калинин

Рогора. Ярость обреченных

Пролог

В просторном торхском шатре, освещенном мерцающим пламенем доброго десятка факелов, буквально яблоку негде упасть. Там, где с удобством могло расположиться едва ли два десятка человек, набилось с полсотни – и вязкая, липкая духота плотным коконом обвила присутствующих. Но едва ли кто из них обращает на это внимание, ибо в воздухе повисло столь жуткое напряжение, что, кажется, оно стало осязаемо. Только протяни руку – и сразу заденешь словно до упора натянутую тетиву. Вопрос лишь в том, в кого полетит спущенная с нее стрела взаимной ненависти...

– Доказательства! Чем докажете свои слова?!

Визгливые, злобные выкрики лехских шляхтичей перебил сколь спокойный, столь же и холодный голос высокого, немолодого блондина с испещренным мелкими шрамами лицом и тяжелым взглядом льдистых голубых глаз, разом оборвавший повисший в шатре раздраженный гомон:

– Не будем превращать военный совет в базарную склоку,

паны. Мы не на обсуждениях сейма, и перехваченные нами степняки-торхи косвенно подтвердили слова наших... вероятных союзников. Кочевники бегут от большой армии, наступающей с юга. И все же согласитесь... пан Аджей: внезапное вступление в наше противостояние третьей стороны как нельзя более своевременно. Для вас.

Еще довольно молодой мужчина с вызовом встретил давящий взгляд герцога, вперив в него не менее тяжелый взгляд серо-зеленых, чуть навывкате глаз.

– Хочешь проверить правдивость моих слов, Бергарский? Так отправь в степь своих дозорных! А еще лучше – продолжи осаду! Я с удовольствием посмотрю, как горстку лехских псов разматает по округе армия султаната¹!

Дерзкий ответ Аджея Руга, с недавних пор принявшего имя рода Корг, заставил половину присутствующих схватиться за сабли и угрожающе зароптать.

– Довольно, Аджей! Если ени чиры² и истребят воинов Республики, то, поверь, ни тебе, ни твоим людям за стенами Барса не отсидеться. По отдельности – и нас и вас – ждет только бесславная смерть. И мы собрались здесь, – мужчина с усталым, мужественным лицом и ранней сединой на висках

¹ Здесь и далее выдержки из географического сборника путешественника и писателя Конрада Мазовского:

² **Ени чиры**, «новая пехота» (*заурск.*) – войсковое соединение в армии султаната, целиком состоящее из стрелков. Вооружены длинноствольными кремневыми, реже фитильными огнестрелами, называемыми тюфенги, а также клинковым оружием, в основном саблями или ятаганами (нередко в паре).

возвысил сильный, чистый голос, – не бросаться взаимными оскорблениями и угрозами, а решать, что делать дальше! С пониманием того, что друг без друга мы, все здесь присутствующие, погибнем в ближайшую седмицу!

– Видимо, великий князь забыл, – взявший слово шляхтич в роскошной накидке из шкуры пардуса язвительно выделил титул собеседника интонацией, – что Рогора подняла бунт и отказалась признать королевскую власть? Так почему же мы должны искать драки с султанатом? Нет, мы уйдем, а вы тут... кхм...

Вельможный пан оборвал свою речь, прежде чем с яростью стиснувший зубы Аджей разразился бы гневной отповедью. Его предупредил герцог, чьи горящие бешенством глаза заставили шляхтича подавиться остатками фразы:

– Если вы забыли, пан Заруба, великий князь Торог Корг принес присягу королю Якубу, и нынче эта земля, – Бергарский бросил выразительный взгляд под ноги шляхтичу, – является такой же частью Республики, как и ваше поместье. Осталось лишь уточнить, – еще один красноречивый взгляд, брошенный теперь на Аджая Корга, – все ли присутствующие согласны с подобной трактовкой? Да, и к слову: я отправил разведчиков в степь, как только получил информацию от торхов. Но, пока они не вернулись, я не могу позволить себе поверить на слово вам, да и беглецам-степнякам.

Лидер мятежников с презрительной ухмылкой откинулся на спинку стула:

– Признать себя вассалом Якуба?! С чего бы вдруг? Вы напали на наши земли, вероломно захватили Волчьи Врата, перебив спящий гарнизон, вы привели на наши земли бесчинствующих торхов и наемников фрязей, вы обманом захватили нашего короля – моего названного отца и тестя, а теперь требуете признать вашу власть?! И ради чего?! Чтобы сброд трусливых шакалов под вашим началом, господин герцог, разбежался при первой же атаке ени чиры и сипахов³? Оставив нас погибать в гордом одиночестве?! Да не бывать этому!!!

– Довольно!!! – яростно взревел Торог, оборвав и обличительную речь зятя, и зарождающиеся вопли возмущения лехов. А лицо великого князя исказила такая жуткая ненависть, что даже Бергарский счел за лучшее промолчать – хотя ему было что ответить Аджю.

– Довольно, – уже более спокойно промолвил Торог. – Ты, мой названный брат, забыл, что тебе требуется признать мою власть. Законную по праву рождения и наследования! Да, отец официально признал тебя наследником – но не единственным, а лишь вторым, в очереди за мной! Так подчи-

³ **Сипахи** – тяжелая кавалерия, сформированная из знати султаната, мамлеков. Защитой всадникам и скакунам служит доспех из кольчужных рубах с прикрепленными к ним стальными пластинами, а также конические, остроконечные шлемы и круглые щиты. Вооружены сипахи саблями и кончарами, длинными пиками и копьями, а также стрелковым оружием: луками, самопалами и огнестрелами (тюфенги). По своему устройству и способу применения сипахи более всего напоминают рыцарскую конницу, но они на порядок организованнее и дисциплинированнее предшественников кирасир и рейтар.

нись!

Вперив в зятя гневный взгляд, Торог продолжил:

– Сейчас ты видишь перед собой врага – но не хочешь понимать, что без помощи гетмана юга твои шансы ничтожны. Да их просто нет! Ты обвиняешь присутствующих здесь панов в трусости, но не понимаешь, что у них, – князь вновь возвысил голос, чуть обернувшись назад, и взмахнул рукой в сторону столпившейся шляхты, – нет выбора! Они будут драться здесь и сейчас, они будут биться из последних сил, не щадя собственной жизни! Если, конечно, не хотят, чтобы султанат завоевал всю Республику. Ведь среди благородных шляхтичей, – лицо Торога исказила чуть презрительная улыбка, – нет необразованных людей. И все они знают о Заурском султанате. Знают, что держава мамлеков ведет жаркие войны по всей границе, знают, что султанат есть хищник, живущий лишь за счет войны! Руги из последних сил сдерживают их натиск на юго-востоке, а гиштанцы сумели остановить их продвижение на юго-западе лишь в горах.

Ранее у султаната не было общей границы ни с Рогорой, ни с Республикой – нас разделяли безводные степи, какое-то время служившие нам защитой. Торхи в этой части Велико-го ковыля пусть и признавали власть заурцев, но только формально – не платя налогов и по желанию отказываясь служить. Войско султана они могли как беспрепятственно пропустить через свои земли, так и превратить его путь в ад, терзая бесконечными ударами летучих отрядов и засыпав все

колодцы и арыки.

И я уверен, что мамлеки ударили именно сейчас неслучайно. Они точно знали, что местные торхи неспособны оказать им сопротивление, потеряв практически всех всадников в Рогоре. Знали, что армия моего отца перестала существовать, измотав при этом и войско Республики, – потому и решились на бросок через степь таким числом. Этот шаг своевременен, логичен и продиктован разумом!

– И все же, – со скучающим видом заметил Бергарский, – прежде чем говорить о неотвратимости столкновения с заурцами, нам нужны более веские доказательства их присутствия, чем слова и... логичность действий мамлеков. Если все это лишь...

– Пленный разведчик-заурец развеет ваши сомнения? – перебил герцога несколько успокоившийся Аджей. – Мои воины перехватили всадника головного дозора мамлеков.

– А чего молчал?!

Выкрик из толпы собравшихся шляхтичей подхватили остальные лехи.

– Потому что любой из вас мог тут же обвинить меня в подлоге, назвав заурца ряженым торхом, владеющим языком. Вы поверите лишь своим разведчикам, вот только дождетесь ли их? В отличие от ваших всадников, мои стражи хорошо знают степь и уже много лет служат в дозорах, потому и сумели уйти от погони, захватив пленного. Боюсь, вы своих людей не дождетесь... А через три дня будете истреб-

лены под стенами крепости.

Да, и к слову о моей выгоде, герцог: вы действительно считаете, что в случае успеха наших переговоров и объединения сил я что-то выигрываю? Мне ведь придется впустить войско недавнего врага в замок, впустить без боя. Или боитесь, что мы опоим ваших людей сонным зельем и вырежем спящих, как поступили легионы у Львиных Врат?

Бергарский поиграл желваками под глухой ропот шляхты, в котором, впрочем, в этот раз улавливалась не только ярость, но и смущение.

– Введите пленника, – принял решение герцог, после чего повернулся к панам. – Есть кто-то, кто сталкивался с заурцами и разумеет их язык?

Вперед выдвинулся Ясмень, высокий и грузный шляхтич с благородной сединой в волосах:

– Я разумею и уверен, что отличу мамлека от торха.

Аджей коротко кивнул, после чего негромко распорядился, и в шатер ввели молодого смуглого мужчину в потрепанной одежде восточного покроя, испачканной кровью. Лицо его пробороzdил явно свежий сабельный рубец.

Пан Ясмень громко спросил его на неизвестном большинстве наречий, прозвучавшем довольно резко в повисшей в шатре тишине. Пленник ответил на том же языке, явно более чисто; ответил дерзко, с вызовом, яростно сверкая глазами.

– Говорит, что тень султаната уже пала на эти земли, предрек их необратимое завоевание и обозвал всех присутствующими

ющих псами, чья скорая гибель согреет его в лучшем мире. М-да... Уверен, это заурец.

Молчание прервал Торог:

– Мы можем сколь угодно долго не доверять словам моего названного брата, но всего несколько часов назад он всерьез схватился со мной на саблях, доклад же разведчиков шокировал его на моих глазах. Я уверен, Аджей не лжет, а мы впустую теряем время, столь дорогое сейчас, при скором приближении мамлеков! Между тем их войско точно разматывает нас по отдельности, да и вместе... шансов практически никаких.

Но если мы не сумеем их хотя бы задержать, не сумеем дать королю время собрать войско, султанат захватит Рогору, а чего доброго – и горный проход. Благо что Волчьих Врат больше нет, – лицо Торога болезненно исказилось, – а в Львиных стоит лишь слабый гарнизон. Если это случится, султанат получит великолепный, отлично защищенный горами плацдарм для наступления не только на Республику, но и на все срединные земли! Сорок тысяч их воинов, следующих сюда через степь, – лишь передовой отряд, захватят они Рогору, и сюда придет куда больше... И их не сможет остановить вся шляхта Республики вкупе с лучшими кондотьерами фрязей, которых у вас и так нет!

Присутствующие на совете шляхтичи, вмиг поскучев лицами, начали озадаченно переглядываться: до них наконец дошла истинная опасность вторжения Заурского султаната в

Рогору. Один лишь герцог позволил себе тень легкой, одобрительной улыбки.

Торог вновь обернулся к Аджю и рогорцам, держащимся позади него:

– Но для Рогоры такой расклад будет гораздо хуже не только королевской власти, но и вторжения великих торхов Бату! Ибо последние, разорив страну, ушли, обложив наши земли данью. А султанат придет навечно! Наша земля, наш хлеб станут их собственностью, необходимой для кормления армии. И пусть голод истребит хоть половину страны – главное, чтобы зерна хватило их войску!

Все наши женщины станут для них даже не просто добычей с боя, а безликими самками для вынашивания детей. Их детей! Рогорских дев, баб и вдов – всех, кто способен зачать, – будут целенаправленно брать десятки раз, пока они не понесут. И они ведь будут им рожать, пополняя войско мамлеков послушными и свирепыми воинами! А дети их детей никогда и не вспомнят про Рогору, ибо их воспитают верными подданными султаната...

Мужчины, кто не может держать оружие в руках, станут бесправными рабами, прикованными к земле хозяев. А вот кто способен сражаться... тех ждет выбор. Или быстрая смерть под ятаганами⁴, или вступай в азепы⁵, коих пер-

⁴ **Ятаган** – уникальное колюще-рубящее клинковое оружие, зачастую с двойным изгибом и смещенным центром тяжести. По легенде, когда воинам ени чирры запретили носить в столице что-либо длиннее ножа, последние отправились в кузни, где каждый заказал себе нож... не менее полутора локтей длиной.

выми бросят в бой. Да, пушечное мясо... Или, коль действительно искусен в бою, иди в корпус ени чыры.

В любом случае придется воевать. И пусть враг будет уже знакомый – естественно, вас бросят против Республики, – но сражаться вы будете под чужим знаменем и за чужую цель, а не за собственную свободу. Так что, брат мой, признаешь ли ты мою власть? Или мы отступаем, а ты в одиночку остаешься сдерживать мамлеков?

Аджей ответил острым, проницательным взглядом. Некоторое время он молчал в абсолютной тишине, и наконец словно нехотя разжал губы:

– Вот мы все говорим, Торог, о помощи армии южного гетмана – но какова она будет? Каков ваш план, в случае если мое войско вольется в ваше?

Неожиданно его поддержал пан Ясмень:

– А действительно как? Если разведка пана Аджея, – кивок в сторону присутствующего на совете Ируга, – не преувеличила численность мамлеков – а мы все знаем, что, когда бежишь, число врагов может и утроиться, то каким об-

⁵ **Азепы** – пехотное ополчение султаната, иррегулярные силы, набираемая на время войны. Их боевые качества значительно уступают выучке профессиональных воинов. Однако ополченцы имеют ряд налоговых привилегий, и за это раз в году, после уборки урожая, проходят месячную подготовку в учебных лагерях. Показавшие лучшие результаты в фехтовании, стрельбе из лука, точности копейного удара могут получить освобождение от налогов на будущий год, а потому многие ополченцы стараются поддерживать боевые навыки. Кроме того, на время боевого похода и сборов воины получают жалованье и имеют право брать трофеи с боя и в захваченных городах.

разом мы их остановим, пусть и объединив силы? Запремся в крепости – и нас просто блокируют, в конечном счете они заставят нас сдаться бесконечными бомбардировками. Да и то если раньше не ослабеем от голода, ведь продовольствия в замке на такую прорву народа надолго не хватит!

Попробуем уйти – но сколько получится отступить? Если мамлеки будут здесь через два дня, их кавалерия нагонит нас еще до того, как мы достигнем неразоренных земель баронства, даже если выступим прямо сейчас. А пятнадцати тысяч всадников будет вполне достаточно, чтобы блокировать нас до подхода ени чирь. Ну а про баталию лоб в лоб я уж и говорить не буду. У них трехкратное численное превосходство – да нас просто сметут!

Аджей заинтересованно посмотрел на него и ответил:

– Наши разведчики не бегут. Они узнают все, что могут, и только после этого отступают. И если Ируг говорит, что в войске султаната не менее пятнадцати тысяч всадников, из которых не менее пяти – тяжелые сипахи, если он говорит, что у них двадцать пять тысяч пехоты при ста орудиях, из них десять – это стрелки ени чирь... Он говорит правду.

– Я безмерно за вас рад, господин Аджей, – вновь раздался в шатре сухой голос Бергарского, – раз вам служат такие умелые разведчики. Что касается вашего вопроса – вашего и пана Ясменя, то скажу следующее: в крепости должен остаться гарнизон. Да, в крепости останется смешанный гарнизон – я соглашаюсь с доводами великого князя и готов объединить

силы с рогорцами... Для защиты Барса необходима минимум тысяча бойцов, а лучше полторы – чтобы сумели хотя бы на день задержать мамлеков. Если так, то большая часть объединенного войска спасется, мы отступим к Лецеку и уже там сядем в осаду, запасшись порохом и провизией. Дальше как повезет. Успеет король с гусарами и шляхтой – хорошо. Нет – так пусть хотя бы займет горный проход.

– Очень интересно, – с издевкой сказал Аджей, – а кто же тогда останется в крепости? Не мне ли и моим людям вы предлагаете мученический венец во имя общего блага? А может, сами? Помнится, у вас богатый опыт успешного сидения в осаде!

Глаза Бергарского гневно блеснули, но, прежде чем он что-либо ответил, Торог спокойно произнес:

– Останусь я. Со мной добровольцы с обеих сторон и равным числом, но не менее полутора тысяч.

– Нет!!! – одновременно воскликнули Аджей и Бергарский, однако Торог жестом остановил их возмущение.

– Я все решил. Только мне подчинятся как стражи, да и прочие воины Рогоры, так и шляхетские хоругви. Конечно, мне пригодилась бы помощь авторитетного, благородного пана...

Пан Ямень, молодежато выпятив грудь, подался вперед, оставив позади застывшую в нерешительности шляхту:

– Князь, для меня будет честью вместе с вами принять первый удар врага.

Торог одобрительно кивнул, после чего развернулся к Аджею, собравшемуся было что-то возмущенно воскликнуть:

– Брат, это мой долг перед отцом. Перед его памятью...

В последних словах князя прозвучало столько боли, что проняло всех находящихся в шатре. Зять великого князя сдержался и лишь коротко кивнул, однако его лицо посерело так, будто молодой мужчина разом постарел лет на пять. Возможно, потому, что именно в этот миг груз ответственности за судьбу Рогоры окончательно лег на его плечи.

– Эдрик, ты сам понимаешь, что другой на моем месте не справится. Я знаю Барс как свои пять пальцев, я его строил. Я знаю людей, кто встанет на его защиту, из числа воинов Рогоры. Я имею опыт защиты крепостей и уверен, что продержусь не один день. И даже не два. Именно это время вам сейчас просто жизненно необходимо. И я его дам.

Герцог Бергарский, задумчиво выслушав Торога, коротко кивнул.

– Но, Эдрик... Вспомни наш разговор этим утром... Моя семья должна уцелеть. Ты меня слышишь?

И вновь утвердительный кивок.

– Слово чести, Торог. Я сделаю для них все возможное.

– Быть по сему.

Часть первая

Утро псового лая

Глава 1

Осень 107 г. от восстания мамлеков

Алпаслан⁶, баш каракуллукчу⁷ серденгетчи⁸

Алпаслан плохо помнил свое детство. Смутные, смазанные картинками убранств внутренних покоев гарема, улыбка матери и ее ласковые, теплые объятия. Но встречи с мамой были не слишком частыми, большую часть времени будущий сотник «рискующих головой» проводил при кухне. В будущем, глядя на казан-и шериф орты⁹, Алпаслан любил шу-

⁶ Алпаслан – храбрый лев (*заурск.*).

⁷ Баш каракуллукчу – сотник (*заурск.*).

⁸ Серденгетчи, «рискующие головой» (*заурск.*) – штурмовые сотни в ортах ени чиры, набранные из лучших мечников и стрелков. В их рядах также служат и заурские гренадеры – хумбараджи, метатели гранат. Поголовно закованы в панцири, единственные среди ени чиры.

⁹ Казан-и шериф орты у ени чиры играет роль полкового знамени. Традиция пошла еще со времен дворцовой гвардии, содержащейся султаном. Из огромных котлов кормился весь отряд, и ени чиры сами выбрали их в качестве знамени, демонстрируя тем самым свою верность и обязательства перед кормильцем-правителем. Интересно, что офицерские должности ени чиры в переводе часто зву-

тить, что к судьбе ени чиры его готовили с самого детства.

Впрочем, так оно и было. С того момента, как их продали в гарем, его будущее было predetermined. Впрочем, первые годы, проведенные рядом с мамой, а потом и младшенькой сестренкой Эсиной, были настоящим подарком судьбы... Каких трудов, каких усилий стоила матери борьба за то, чтобы в неволе ее не разлучали с сыном и чтобы господин Беркер-ага купил ее в свой гарем вместе с малышом, – этого не знает никто.

Джемила – будущий муж неслучайно назвал мать Алпаслана звездой, в ее внешности соединились черты восточных и западных народов. Золотые, как перезревшая пшеница, волосы, ярко-зеленые, словно омуты лесного озера, и в то же время чуть раскосые, как у степнячек или заурок, глаза, восточный овал лица... Ни раннее материнство, ни торхское рабство никак на ней не сказались – впрочем, кочевники, захватившие мать Алпаслана, умели ценить такой дорогой товар, как женская красота. Ценить и беречь.

За девственницу с такой внешностью торхи могли бы запросить меру серебра, равную ей по весу. Сквозь их руки прошло множество рабынь, но немногие обладали такой яркой красотой... Они и хотели выкинуть нечто подобное, забрав сына, – но мать Алпаслана в ярости поклялась, что, если ее разлучат с ребенком, она изуродует свое лицо. Торхи поверили. А Беркер-ага с улыбкой выслушал пылкие речи на-

чат как «старший повар», «кухарь» и так далее.

ложницы, впрочем вскоре ставшей женой, и согласился принять ее сына. В те годы он был румели агасы – старшим офицером, отвечавшим за набор мальчиков и юношей в учебный корпус ени чиры. Еще один новобранец, довеском отданный к красавице-наложнице, нисколько его не смутил.

Да, первые годы Алпаслан помнит смутно... Впрочем, тогда он носил иное имя, коим его величала лишь мать, – на кухне, где ребенок проводил большую часть времени, его называли разными обидными прозвищами. «Белая собака» было самым «нежным» из них. Впрочем, такое отношение к мальчугану сохранялось лишь до того момента, пока мама не стала младшей женой Беркера-ага. С появлением маленькой Эсины изменился как статус молодой женщины, так и ее привилегии – и последние полгода жизни в гареме мальчик провел рядом с мамой и сестренкой в женских покоях.

Самое лучшее, самое спокойное и счастливое время в его сознательной жизни...

А в семь лет Беркер-ага отдал его в корпус ени чиры. И тут-то мальчуган узнал, что такое настоящая ненависть, ярость и страх. Пусть на кухне гарема его унижали и обзывали обидными словами, там его, по крайней мере, никто не бил. Легкие подзатыльники (правда, будучи на кухне он их легкими не считал) не в счет. А вот в корпусе...

Сейчас Алпаслан вспоминал это время с легкой ностальгией – ибо он с честью, достойно мужчины прошел все испытания, брошенные ему судьбой. Корпус стал местом, где

сырое железо его тела и души было расплавлено и перековано заново – в стремительный и разящий клинок. Вот только чего будущему «льву» стоила эта перековка в те детские годы...

Сегодня Алпаслан умом понимал причину ненависти будущих соратников. Зависть. И хотя бывший раб никогда не думал, что у других могут быть основания ему завидовать, он очень сильно ошибался...

До корпуса Алпаслан никогда не голодал, даже не знал такого понятия – голод. Пусть на кухне его кормили не яствами для гарема, но на миску жирной бобовой похлебки на мясном бульоне, да с изрядным куском пресной лепешки он всегда мог рассчитывать. Перепадало ему и с господского стола, а уж мама всегда запасала сладостей к их встрече. Попав же в корпус и столкнувшись на первых порах с довольно скудным рационом (как ему тогда казалось), мальчишка позволил себе сказать об этом вслух, ну а заодно поведать только-только появившимся товарищам, как питался раньше. Его жестоко избивали – и продолжали избивать всякий раз, когда «откормыш» приходил есть.

Учителя в тот момент еще не вмешивались в отношения между будущими ени чиры. Какое-то время мальчишкам лишь давали немного еды из остатков трапезы старших учеников, да предоставили ночлег в старой, полуразвалившейся казарме. Зато учителя ненавязчиво, но очень внимательно следили за тем, как себя проявят юноши, находясь в среде

себе подобных, среди равных. Будущие харизматичные лидеры нередко проявляли себя именно в этом бараке.

Но вряд ли кто смог бы разглядеть в забитом до полубессознательного состояния мальчишке будущего командира «рискующих головой». Нет, тогда Алпаслан, еще не получивший своего настоящего имени, подвергался избиениям и унижениям за все совершенные в жизни проступки.

Что за проступки, если не вспоминать о сытом пузе? Ну как же, ведь он провел первые семь лет рядом с мамой, живой мамой, – в то время как большинство будущих ени чиры были сиротами, лишившимися отцов и матерей в самом юном возрасте. Мало кто из них помнил родительскую любовь и ласку.

А еще его мама стала женой румели агасы – человека, в котором многие видели первопричину своих бед. Да, не Беркер-ага оборвал жизни их родных ударами острого ятагана, не он продал их в рабство. Но для юных зверьков, коими являлись будущие ученики корпуса ени чиры, именно румели агасы олицетворял все зло, несомое султанатом, а Алпаслан стал удобным громоотводом их ненависти.

Мальчишку не убили и не покалечили лишь потому, что семилетние дети еще не ожесточились до крайности. Но и без того постоянный голод и побои практически сломили Алпаслана.

Однажды, в бессилии греясь на солнце после очередной порции тумачов вместо похлебки, мальчик вдруг почувство-

вал чей-то недобрый взгляд, чье-то присутствие. Испуганно распахнув глаза, он увидел над собой замершего Беркера-ага. Благородное, красивое, мужественно-волевое лицо румели агасы исказила гримаса брезгливого презрения. Вдруг он легким движением руки бросил что-то под ноги мальчишке и произнес слова, которые Алпаслан запомнил на всю жизнь:

– Твоя мать просила о тебе позаботиться, и я внял мольбе супруги, хоть и не вижу в ней смысла. Так что послушай мою мудрость, сын лехского пса: ты или станешь ени чиры, или сохнешь от голода! Третьего не дано. Я уверен, что вскоре тебя не станет, ведь тот, кто не способен защитить себя кулаками, не защитит и клинком! Впрочем, ты можешь попытаться доказать мне обратное, коли хочешь жить...

Беркер-ага ушел, а Алпаслан еще долго разглядывал сокровище, что бросил румели агасы ему под ноги, – маленький кухонный нож.

Нет, Беркер-ага был не прав на его счет: мальчик пытался защитить себя кулаками каждый день. Но его хватало на два-три, а чаще всего на один удар, прежде чем стая голодных и злых сверстников сбивала его с ног и отчаянно мутузила. И все же он защищался. Вот только сил с каждым днем становилось все меньше... Однако ощутив в руке приятную тяжесть маленького ножа, коим он когда-то разделявал лук на кухне, Алпаслан почувствовал в себе целое море силы – и уверенность, что в этот вечер все изменится.

Когда с кухни корпуса принесли едва теплые котлы с остатками ужина, мальчик как ни в чем не бывало двинулся к котлу – впереди всех. За его спиной раздались удивленные, а после издевательские смешки: все ожидали уже порядком приевшегося развлечения – очередного избиения Алпаслана.

Как же тогда билось его сердце... Ни до, ни после будущей сотник «рискующих головой» не испытывал столь сильного волнения. Но именно волнения, а не страха.

Дорогу ему преградил первый из зачинщиков драки, одновременно являющийся и вожаком самой крупной ватаги мальчишек. Довольно высокий и сильный парень, взявший себе имя Каракюрт (черный волк), он со злорадной ухмылкой ждал приближения Алпаслана, демонстративно сложив руки на груди. За что и поплатился.

Никто не ожидал от вечно забитого «откормыша» столь стремительного рывка вперед. Никто не ожидал, что в его руке окажется клинок. Никто не ожидал, что в самом забитом и жалком из них они же и воспитали звериную ненависть, которой не было в них самих...

И когда в руках «откормыша» вдруг смазанной молнией блеснул нож, а через мгновение во все стороны брызнула кровь – под дикий, животной вопль Каракюрта, – они дрогнули. А «откормыш», сам вдруг по-звериному взревев, бросился к следующему обидчику, застывшему соляным столпом за спиной первой жертвы. И вновь резкий, режущий

взмах, и вновь крик боли... Правда, второй парень отделался лишь порезом поднятой для защиты руки, но именно он побежал, открыв Алпаслану дорогу к котлу. А остальные по-прежнему с ужасом смотрели, как Каракюрт пытается зажать руками глазницы и остановить бьющую из них кровь... «Откормыш» же, разогнав своих извечных обидчиков, спокойно подошел к котлу и принялся есть. Впрочем, нет, уже не «откормыш» – именно в тот вечер он принял новое имя, коим его в дальнейшем именовали сверстники и с коим его приняли в корпусе – Алпаслан, храбрый лев.

В один миг превратившись из забитой жертвы в самого опасного хищника стаи, Алпаслан и позже, во время занятий в корпусе или службы в орте, старался во всем быть первым и лучшим. Ему не очень давались чтение, счет, каллиграфия – и мальчик оставался после занятий, умоляя учителей уделить ему еще хоть чуть-чуть времени. Он очень старался и где не мог понять сразу – вновь и вновь возвращался к истоку проблемы, вновь и вновь заставляя себя выводить вязь или ломать голову над счетом.

Алпаслан был твердо убежден, что станет отличным фехтовальщиком, – и действительно владение что саблей, что ятаганом, что кончаром давалось ему сравнительно легко. Но мальчику, а позже юноше и мужчине всегда было мало этих занятий, и он вновь и вновь брал в руки клинки, рисуя в воздухе сложные узоры защиты или атаки. Когда же казалось, что правая рука выучила каждое движение, каждый

удар и взмах, Алпаслан брал клинок в левую. И заново учился, казалось бы, уже привычным движениям...

Стрельба, верховая езда, борьба, науки – так или иначе, но в корпусе юноша был лучшим во всем, неслучайно его одного из немногих отправили в орту ени чиры в качестве зембилджи, помощника офицера.

Здесь же, в корпусе, Алпаслан проникся духом воинско-го братства, товарищества и взаимовыручки, что царит среди ени чиры. Что бы ни было в прошлом, какие бы обиды и даже раны ни нанесли друг другу будущие гвардейцы перед приемом в корпус – здесь они стали даже не соратниками, нет. Здесь они стали братьями... семьей. Да и как не стать, если ты с одними и теми же людьми ложишься спать и просыпаешься в одной казарме на протяжении нескольких лет? Если на четверых делишь единственный припрятанный сухарь? Если вместе с парнями из десятка разделяешь радость победы или горечь поражения на ежегодных учениях? Если именно твой сосед по койке своей же запасной рубашкой перетягивал тебе рану на ноге, им же нанесенную тупой саблей, – а через месяц уже ты жертвуешь свою, прорубив его блок ятаганом и зацепив плечо? В корпусе никогда не воровали – за это провинившегося имели право бить смертным боем, в корпусе никогда друг друга не обманывали. И каждый в десятке был готов запросто умереть друг за друга – ибо, прожив и проучившись столько лет вместе, встречая любые трудности спина к спине, будущие ени чи-

ры действительно становились братьями. А испытания перед приемом в корпус никто не вспоминал, даже Алпаслан. С этим периодом у него связаны уже другие воспоминания – как, смеясь, они с братьями оставляли в тарелках половину ужина во время набора будущих ени чиры, отчаянно голодающих в разваленной казарме... Еще одна добрая – действительно добрая традиция корпуса. Ведь мальчишки еще не стали частью их большой семьи, а старшие уже проявляют заботу, делятся куском хлеба. По истечении же обучения в корпусе, став полноправными ени чиры, братья зачастую расставались навсегда – десятки дробили на сотни, мешали друг с другом и отправляли в гарнизоны по всему султанату. А на месте притершуюся сотню вновь дробили по десяткам... И в этом тоже был смысл – ибо молодой воин должен принимать как семью не только свой десяток, но и всю гвардию целиком. Так оно и было – в ортах их ждали точно такие же братья, прошедшие в свое время корпус, и они признавали пополнение частью своей семьи, частью боевого братства.

Свой первый бой Алпаслан принял на земле, именуемой в срединных землях Гиштанией. И он же чуть не стал для него последним – орта юноши оказалась на острие прорыва фряжских наемников-пикинеров. Тогда оцетинившийся кулак баталии протаранил строй ополченцев-азепов, словно матерый вепрь свору молодых псов, и бросился вперед, к жидкой цепи стрелков ени чиры. Юноша поймал пулю в правое плечо – в пятой и шестой шеренгах баталии двига-

лись аркебузуры, – но не покинул строй. Присыпав ранку порохом, он, яростно сжав зубы, воспламенил его и остановил кровь. А после продолжил стрелять и перезаряжать, стрелять и перезаряжать, словно бездушный механизм, – пока фрязи не приблизились к ени чирь на удар копья.

Вооруженные лишь легкими ятаганами и саблями, заурцы были неспособны противостоять таранному удару пикинеров. Но орта не получила приказа отступить – и стрелки встретили атаку врага легкими клинками. Алпаслан был одним из немногих, кто выжил, и до последнего рубил ятаганом нацеленные в него копейные острия пик.

Полководец мамлеков, однако, свое дело знал. Он не дал приказ гвардии отступить лишь потому, что уже нацелил во фланг баталии тяжелую конницу сипахов, и ему не хватало немного времени для маневра. И пять шеренг ени чирь, практически целиком погибшие всего за пару-тройку минут ближнего боя, это самое время и подарили... Сипахи таранным клином ворвались в ряды не успевшей перестроиться баталии, довершив разгром окруженного войска гиштанцев.

Следующий свой бой Алпаслан принял уже в качестве младшего офицера, баш эски, – высокая честь в двадцать лет получить звание «начальника ветеранов»! Но личное мужество, проявленное в схватке с гиштанцами, открыло перед юношей казавшиеся ранее наглухо закрытыми двери. Впрочем, и испытание ему выпало далеко не самое легкое...

Султанат давно имел не только сильную армию, но и мо-

гучий флот. Однако в срединном море еще до восстания мамлеков существовали сильные пиратские базы. Поначалу предводители морских разбойников приняли власть султана, впустили в свои города гарнизоны ени чиры и безропотно отдавали треть добычи. Но жадность и гордыня затмили их рассудок: четыре года назад в условленное время пираты напали на спящие гарнизоны, вырезав ени чиры под корень. После чего разбойники обрушили внезапный удар на базу флота в западной части моря, где и пожгли корабли заурцев прямо на приколе.

Султан Селим в ярости пообещал извести пиратское племя под корень – и обещание сдержал: за два года все крепости, порты и городки морских разбойников, во множестве расплодившихся на островах, были уничтожены, а население поголовно истреблено.

Алпаслан благодарил судьбу, что не участвовал во взятии городов – ибо не был уверен, что сумеет поднять клинок на беременную женщину или ребенка, даже по приказу. Он все-таки боялся, что послушается командира, – а ведь это было неслыханно! Но даже если нет, то, совершив «воздаяние султана», он точно потерял бы часть себя... И потому очередная боевая задача – штурм Карраджа, неприступной крепости, последнего оплота уцелевших пиратов, – была принята им как благословение.

Впрочем, Алпаслан рано радовался – выжившие разбойники все, как один, являлись лихими рубаками, которым бы-

ло нечего терять. И дрались они с мужеством пустынных львов, не прося пощады и не даруя ее...

Султан бросил на штурм ютившейся на крохотном острове крепости гвардию – и три орты ени чиры поголовно полегли под стенами Карраджа, а еще две остались в развалинах замка. Да... Схватки с пиратами превосходили любые нормы жестокости и ожесточения – сломав клинки, разбойники рубились тесаками, резались кинжалами и ножами, дотягивались до своих убийц зубами в последней попытке порвать горло – и ведь бывало... В сотне Алпаслана в строю не осталось ни одного солдата, сам он был трижды ранен – и только непревзойденное владение клинками сохранило ему жизнь. Впрочем, падение Карраджа Алпаслан так и не увидел – его в числе немногих уцелевших раненых вывезли на материк.

И вот теперь очередная кампания, едва ли не самая серьезная в воинской судьбе Алпаслана. Впрочем, его путь освещала счастливая звезда – он выжил в самых горячих схватках последнего десятилетия, приобретя репутацию непревзойденного бойца и счастливейшего везунчика. И звание баш каракуллукчу у серденгетчи – сотника лучших ени чиры, добровольцев из ударной сотни «рискующих головой».

Султанат совершил стремительный бросок на север – местные княжества и королевства ослабили друг друга в междоусобной войне, и одно из них, так называемая Рогора,

стало легкой добычей. В будущем, при удачном ходе кампании (а разве может быть иначе?) она станет крепким тылом для развития наступления в центр срединных земель. И разве будущие битвы не могут толкнуть Алпаслана вперед, подняв его на совсем недостижимые высоты – например, в ранки командира орты, чорваджи-баши? А там, кто знает, может, удастся стать и новым румели агасы? В конце концов, Беркер-ага когда-то стал им – а сейчас он стамбу агасы, командир всего корпуса ени чыры! И явно благоволит сыну своей старшей (да-да, уже старшей!) жены. Алпаслан иногда даже допускает мысль о том, что его стремительный взлет отчасти обеспечен влиянием могущественного «родственника»... Впрочем, не стоит об этом думать. Ибо пока сотник «рискующих головой» верит в то, что всего добился своей храбростью и клинком, так оно и будет в глазах других. А сомнения – вон их!

И все же покровительственное отношение Беркера-ага, удостоившего его личной, пусть и мимолетной встречи, дорого стоит! Стамбу агасы позволил Алпаслану даже повидаться с матерью перед самой отправкой на север – да это же практически признание его частью семьи!

Вот только встреча с матерью, пусть и радостная, была омрачена и горечью, и смутной тревогой. Ведь мать не смогла не напомнить ему, откуда он родом, и впервые открыла Алпаслану имя его настоящего, пусть и давно забытого отца.

Что же, сын понял свою мать – судьба нередко зло шутит

над людьми, а на войне случается всякое. Может, доведется скрестить сабли и с родным отцом... Нет, Алпаслан не верил в подобную возможность, но именно благодаря этому разговору сотник серденгетчи вспомнил и свое имя, данное при рождении, – имя старательно забытое, имя, с которым он стал рабом. Имя, что он проклял и на долгие годы предал забвению...

Глава 2

*Осень 760 г. от основания Белой Кии
Крепость степной стражи Барс*

Великий князь Торог Корз

Наблюдая со смотровой вышки за разворачивающимися перед крепостью частями штурмующих, я невольно начинаю уважать мамлеков. Ни лехи, ни тем более торхи не могли похвастаться столь совершенной организацией войска, и никогда еще мои противники не готовились к бою столь тщательно.

К примеру, целых полдня заурцы потратили на возведение батарей тяжелой дальнобойной артиллерии. Пока они, правда, молчат – видимо, вражеский командующий предпочитает экономить порох и ядра в условиях отрыва от тыловых баз. Но я уверен, что, как только заговорит наша артиллерия, они тут же постараются ее заткнуть.

А на порядки двинувшихся на штурм воинов смотреть любо-дорого: первые шеренги азепов прикрыты огромными, сбитыми по фронту деревянными щитами в ширину колонны и высотой в два человеческих роста. С внешней стороны на щиты навязано множество мешков с землей – вполне надежная защита против залпа огнестрелов. Конечно, задние ряды заурцев находятся в досягаемости нашего огня, но

последние подняли над головой фашины и лестницы – какая-никакая, а защита.

Батарей дальнобойных орудий заурцы возвели вне пределов досягаемости моих пушек, даже с учетом стрельбы со стен. Но мамлеки бросили на штурм не только азепов, но и двинули вперед в качестве прикрытия стрелков ени чыры, а также некоторое количество средних орудий, распределенных поштучно между ровными колоннами штурмующих. Вот с ними, если повезет, мы еще потягаемся...

– Сколько орудий в крепости? – Бергарский внимательно смотрит в глаза Аджею, ему же адресует вопрос.

– Ни одного.

Оставшись вчетвером с паном Ясменем, мы уже более спокойно приступили к обсуждению плана будущей битвы, оставив позади один из самых сложных и острых вопросов – признание моим названным братом протектората Республики и его подчинение Бергарскому. Аджей наконец-то согласился. И вот сейчас его спокойный ответ повергает герцога в состояние... легкого изумления, назовем это так.

– Ты!.. Как хоть... Подожди. А что насчет земляных орудий?

– Бергарский, – Аджей устало смотрит в глаза бывшему заклятому врагу, – да у нас пороха было на три залпа из огнестрелов и один из самопалов. Нам не то что земляные пушки зарядить было нечем, мы даже гранатами не запаслись.

Нечем, понимаешь, нечем их было снаряжать!

В отсутствие представителей сановной шляхты (только самые родовитые дворяне присутствовали на предшествующем совете) Эдрик ведет себя гораздо свободней – и потому сейчас он не удержался от восхищенно-гневного возгласа:

– Надул!!! Обставил старика, мальчишка! Эх, знать бы мне об этом с утра...

– И ровно два дня ты бы наслаждался победой, Эдрик. А после мамлеки взяли бы вас тепленькими прямо в разбитой крепости, – не удержавшись, вступил я в обсуждение.

– Чего гадать, было так, было этак? Без пушек и полдня не продержимся! Сколько орудий нам оставишь, герцог?! – Раздраженный, рокочущий голос пана Ясменя прервал не успевший толком зародиться спор и вернул разговор в нужное русло.

Но гетман юга лишь развел руками:

– У меня всего пятнадцать легких и средних орудий. Сколько бы я ни отдал, защитникам будет мало, а мы у Лецка без пушек даже мяу сказать не успеем.

– А про нас ты, значит, и не подумал, вельможный пан?!

– Да я...

– Герцог! – Громкий оклик Аджея прервал начавших браниться лехов. – Сколько бомбических ядер ты сможешь выделить? Это с условием того, что всех мастеровых я тут же отправляю в Лецек с приказом лить ядра, готовить бомбы и заготовливать сколько можно пороха?

Бросив на меня взгляд, зять тут же поправился:

– В смысле Торог отправит, а я подкреплю его письменный указ своей личной печатью.

– Бомбических ядер? Ну... – Гетман задумался. – Думаю, возок смогу выделить. Но зачем они вам без орудий?

– Затем, дорогой герцог, что после разгрома орды торхов я направил в Барс лучших мастеров-литейщиков – возрождать литье орудий в крепости. Однако к моменту нашего прибытия в замок – после разгрома у Львиных Врат – еще ни одна пушка не была готова: мастерам банально не хватило рабочих рук умельцев-подмастерий, оборудования и, самое главное, сырья. Тогда-то литейщики и предложили мне высверлить орудийные жерла в дубовых стволах, а после обить их железными прутьями для крепости. Деревянные пушки изготавливаются чуть ли не за ночь и гарантированно выдерживают несколько выстрелов, особенно не самыми большими снарядами. Я-то отказался из-за отсутствия пороха, но ведь дубовое сырье в крепости есть, остались еще и мастера. Под калибр ваших средних орудий можно будет высверлить штук восемь – десять стволов прямо за эту ночь.

За колоннами первой линии ополчения ровными рядами маршируют ени чиры, сохраняя четкое равнение. Пока они держатся на незначительной дистанции от азепов, но уже начали замедляться. Я уверен, что остановятся они на предельной для стрельбы своих огнестрелов дистанции. Вообще-то

качество оружия у нас примерно одинаковое, так что, ведя огонь со стен, мы будем иметь преимущество – и именно поэтому мамлеки прикрывают своих стрелков полевой артиллерией. Пушкари будут изо всех сил мешать нам стрелять прицельно, слитными залпами. . .

Глубина строя ени чирь – пять шеренг. Что же, стандартное построение для ведения непрерывного огня: первая шеренга стреляет, вторая готовится делать выстрел, третья, четвертая и пятая находятся на разной стадии зарядки огнестрелов. После того как первый ряд дает слитный залп, его стрелки бегут назад сквозь четкие разрывы в строю и становятся пятой шеренгой, а вторая выходит вперед и становится первой. . . Для сравнения: у меня на стене всего один ряд стрелков.

На незначительном удалении, за разрывами в строю ени чирь друг за другом следуют еще по три колонны азепов! Ну что же, все правильно: когда первая линия пехоты освободит пространство у штурмовых лестниц, атака свежих сил однозначно переломит ход боя – конечно, если она вообще потребуется. А до поры до времени резерв будет находиться вне зоны досягаемости нашего огня. . . Да, видно, командир мамлеков приготовил к штурму ни много ни мало, а всю целиком пехоту азепов. С козырей заходит, зараза, твердо рассчитывает взять крепость одним ударом. . . Но и у меня заготовлены какие-никакие сюрпризы.

– Нет, возводить полевые укрепления перед крепостью я считаю неразумным. У нас нет тяжелой артиллерии на стенах, чтобы ее огнем поддержать оборону редутов, да и людей слишком мало.

– И сколько тогда простоят деревянные стены, если вы позволите мамлекам развернуть осадные орудия на дистанции эффективного огня?

– Герцог, и вы, и Аджей, – я кивнул в сторону зятя, – недооценили защищенность Барса. Мы возводили крепость как самую сильную во всей Рогоре, предполагая, что в будущем она может подвергнуться штурму с применением артиллерии. Идею украли у рогов – ведь их деревянные укрепления вы берете так же долго и той же кровью, что и каменные? Так вот, мы заполнили пространство между двумя деревянными стенками камнями и землей, плотно их утрамбовав. А сейчас южную стену еще и кирпичом облицевали... Так что, разбив внешнее дерево, артиллеристы мамлеков далеко еще не обрушат стены, им потребуется не менее двух дней бомбардировки, чтобы их уничтожить. Но и после на месте стен окажется еще довольно высокая насыпь – по крайней мере, не ниже редутов... Скажите, герцог, а сколько пороха вы можете нам оставить?

Бергарский задумчиво пожал плечами:

– Если в Лецеке успеют наладить производство, то не менее половины запасов. Хочешь зарыть в основание вала земляные пушки?

– Как вы проникательны, Эдрик...

Эх, жаль, что у нас в свое время не было мастеров рогов, возводящих из дерева рубленые стены – прясла. В последних есть нижние коридоры и бойницы для подошвенного боя, среднего боя и открытый участок за парапетом, сверху укрытый козырьком от стрел, для верхнего боя. Мои же стрелки вынуждены ютиться только за парапетом – ну за исключением гарнизонов башен. Но и те пока молчат, ждут сигнала. Впрочем, первая шеренга ени чиры уже поравнялась с отметинами в поле...

– Огонь!!!

Вой рожков – и шеренга стрельцов поднимается над парапетом. Мгновение – и со стены бьет две сотни выстрелов, напрочь выкашивая первый ряд ени чиры! И тут же им отвечает залп картечи с поля...

– Артиллеристам! Свободный огонь по пушкам врага!

Сигнальщики подали заранее обговоренный сигнал – и между зубцами башен показались толстые стволы деревянных орудий. Конечно, удобнее было бы разместить их внутри кирпично-каменных укреплений, но из-за чрезмерной толщины (а как иначе-то? Дерево же, не железо) пушки не удалось протолкнуть в орудийные бойницы.

Башни огрызнулись огнем – и облачка разрывов поднялись рядом с полевой артиллерией врага. Да, артиллеристы у меня аховые, большую часть мастеровых, худо-бедно по-

нимающих, как вести огонь из орудий, я отправил в Лецек. Прислугу набрали из наиболее смысленных стрелков, коим на пальцах показали, как вести огонь. А учитывая, что запаса деревянного ствола хватит едва ли на десяток выстрелов, я позволил сделать лишь по одному пробному на каждый расчет.

Так вот, сейчас не попал никто. Ни одно из бомбических ядер не ударило в бронзу вражеских стволов, ни одно не взорвалось посреди снующей вокруг пушек прислуги. Хорошо хоть бомбы при подрыве дают кучу осколков, да начинка из свинцовых пуль разлетается во все стороны – хотя бы частично расчеты мы все-таки повыбили.

Удар!!!

Мощный толчок, а через мгновение еще один сотрясли ближнюю башню, да так, что даже у меня под ногами (в донжоне!) ощутимо вздрогнула кирпичная кладка. Одно ядро тяжелой кулеврины ударило в основание верхней площадки, расколов кирпичный зубец ровно под стыком. Во все стороны брызнули вывороченные попаданием кирпичи, а тяжеленную пушку швырнуло вверх. Вылетев во внутренний двор, она с оглушительным треском раскололась... На фоне удивительного полета орудия падение поломанных фигурок, в которых скорее угадывалось что-то человеческое, не так и сильно бросилось в глаза.

Второе ядро ударило чуть ниже, в плотную кладку, не причинив башне существенного вреда, впрочем, в месте по-

падания осталась зиять глубокая выбоина.

– Спускайте пушки! Спускайте пушки во двор!!!

Вторя моему крику, заиграли сигнальные рожки. И одновременно с ними вся крепость вздрогнула, принимая на себя удары десятков огромных ядер. Да, кажется, я недооценил мощь осадной артиллерии мамлеков...

Потери стрелков от картечи заурцев не сказать, что очень большие, но и уж точно не маленькие – два десятка убитых и покалеченных, еще десяток раненых пришлось спустить вниз. Правда, наш залп, что стрельцы дали вне досягаемости ответного огня ени чыры, выбил не менее полутора сотен гвардейцев султаната.

Досталось и артиллеристам противника. Что же, теперь мои воины спрятались за парашетом, терпеливо ожидая следующего этапа схватки.

А вот укрытые щитами азепов поравнялись с заметными лишь со стен отметками.

– Подрывай!

И вновь оговоренный сигнал, ему вторит чудовищный грохот с внешней стороны укреплений. Под подошвой вала, на коем стоит стена, взорвалось с десятков земляных орудий, заложенный заряд пороха с чудовищной силой швырнул каменную дробь в лицо врага. В одно мгновение половина штурмовых щитов азепов оказались расколоты, а брызнувшая из них деревянная щепка стала рвать людскую плоть. Камень и дерево в считанные секунды выкосили не менее трети

атакующих...

– Вразной по ени чирь! Бей!!!

Сигнал – и, аккуратно высываясь меж защитных зубов, стрелцы торопливо разряжают огнестрелы в сторону «новой пехоты». Пять шеренг, пусть и разреженные по фронту, – сложно промахнуться.

Противник, уже подобранный на дистанцию эффективного огня, отвечает слитным залпом. А потом еще одним и еще... Есть первые погибшие и раненые среди стрелцов, но их немного: кусок горячего свинца достается или самым невезучим, или самым азартным, слишком долго целящимся в сторону врага. В основном же моих воинов неплохо прикрывают массивные деревянные плахи парашета и столь же толстые зубы. А вот у построенных в чистом поле ени чирь никаких укрытий нет – и выбывшие из строя в их рядах появляются чуть ли не после каждого второго выстрела.

Но в целом моя задумка себя не оправдала: я надеялся, что после подрыва земляных орудий азепы бросятся бежать, смешав порядки ени чирь, а до того мои стрелки хорошенько так проредят их число. Но, оклемавшись после взрыва, заурцы лишь дико закричали и бросились вперед, ко рву. Первая вязанка фашинов уже упала на дно... Эх, недаром они полвостока завоевали!

– Пан Кричич, пора!

Пан Ежи Кричич, поручик уланской сотни южного

гетманства, командир первой хоругви добровольцев

За спиной раздается приглушенный топот десятков сапог – в подавляющем числе в первую хоругвь зачисляли шляхтичей и их слуг. Причем среди моих подчиненных есть более родовитые и уважаемые паны, чем я, но при назначении командира хоругви пан Ясмень уперся как бык (это он умеет!) и именно меня поставил старшим. «Изрядной храбрости и разума молодой человек. Лучшего командира на сотню не найти!» – таким образом полковник (и мой бывший командир) охарактеризовал свой выбор.

Что же, теперь пришла пора оправдать доверие пана Ясменя... Впрочем, старшие над десятками поставлены, цель – до последнего защищать стену – ясна как день, и особых командирских навыков не требует. Скорее уж фехтовальных – но этого мне уж точно не занимать!

Резво взбегаем по узкой лестнице внутри башни. Не знаю, правильно это или нет, но выход на прясло возможен только здесь. И вход тоже – так что, заняв стену, противник будет вынужден выбивать массивные дубовые двери под убийственным огнем из каменных бойниц... Не так и глупо.

Пан Ясмень по обоюдному согласию с князем оставил в крепости лишь две хоругви, по сотне бойцов в каждой. Но если вторая защищает северную стену и ворота, находясь, по сути, в долгосрочном резерве, моих людей пан Торог решил использовать для защиты южной стены. А чтобы мы не несли лишних потерь от обстрела, он распорядился до поры до

времени отвести хоругвь к воротам. Но вот пора и настала...

Впереди ослепляющим дневным светом замаячил выход на стену.

– Руби!!!

Выскочив вперед, обрушиваю удар чекана¹⁰ на стальной шлем приподнявшегося над парашютом заурца. Узкий клевец с тыльной стороны топорщица прошивает тонкую сталь защиты, вонзившись в череп.

Первый.

Вырвав окровавленный шип из головы врага, перехватываю рукоять – и легким кистевым движением (с шагом вперед левой и переносом веса тела) отправляю топор в спину рубящегося со стрельцом азепы. Топор с хрустом вонзается в плоть, прорубив кожаный панцирь.

Второй.

Выстрел сзади обдал жаром, что-то горячее вжикнуло справа: поднявшийся по лестнице заурец, уже успевший занести кончар для укола, сбит метким выстрелом пана Енджика. Кивком благодарю его за спасенную жизнь и тут же выхватываю шпагу: над парашютом показалась рука очередного азепы, легшая на перекладину лестницы. Удар – и отрубленная кисть, брызнув на меня кровью, падает под ноги. Снизу раздается крик боли, тут же переросший в вопль ужа-

¹⁰ **Чекан** – боевой топор, эффективное оружие ближней схватки. Зачастую имеет двойное вооружение – плоское топорщице с одной стороны и узкий клевец, удобный для прокола доспеха, с другой. Древко, как правило, узкое и прямое.

са – и практически сразу оборвавшийся где-то внизу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.